

УДК 330+338

В. С. Сопин

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ

Интерес к корпоративной социальной ответственности (КСО) во многом обусловлен тем, что развитие цивилизации породило целый комплекс проблем, в отношении которых нет четко и явно выраженного решения. Мировой экономический кризис также спровоцировал многочисленные дискуссии вокруг КСО в России и в мире. Взаимодействие между бизнесом, обществом и государством настолько усложнилось, что необходимо выявление фундаментальных принципов, определяющих эволюцию этого взаимодействия на длительную историческую перспективу. Наиболее остро эта задача стоит перед странами, где наблюдается крайне сложное переплетение различных форм взаимосвязи между экономическими субъектами.

Несмотря на то, что концепция КСО, ее различные интерпретации в западном мире известны уже достаточно давно¹, в России не сложилось единого подхода к пониманию данного вопроса. Провести различия между такими понятиями, как «благотворительность» и «социальная ответственность», достаточно сложно, так как сам благотворитель (компания или частное лицо) не всегда сможет четко назвать мотив своих действий. По мнению И. Соболевой, «критерием социально ответственного поведения бизнеса является наличие нерыночных элементов в воспроизводственном поведении фирмы, связанных с формированием партнерских отношений...Благотворительность диктуется этическими соображениями, не затрагивает стратегические цели фирмы, не формирует ее поведения как субъекта воспроизводственного процесса»².

Таким образом, КСО рассматривается как стратегическая цель компании, которая способствует достижению бизнесом основных коммерческих целей. Она окупается лояльностью клиентов и партнеров, сохранением благоприятного социального климата, что в итоге оборачивается стабильной прибылью. Благотворительность связана с альтруизмом жертвователя, испытывающего удовлетворение от помощи ближним и от содействия благим начинаниям, имеющим зачастую религиозные корни. Известно, что благотворительность как форма проявления сострадания к ближнему являлась нравственной христианской нормой. В любой национальной культуре религиозные догмы никогда не оставляли без внимания такую важную сферу человеческой жизнедеятельности, как труд. В иудаизме, буддизме, исламе разработаны нравственные нормы, регулирующие

Вадим Станиславович СОПИН – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социальной политики Экономического факультета СПбГУ. Окончил Экономический факультет СПбГУ (1998) и аспирантуру (2002). Автор 10 научных работ. Сфера научных интересов: социальная политика государства, корпоративная социальная ответственность, институционально-эволюционная экономическая теория.

© В. С. Сопин, 2009

отношение к собственности, богатству, профессиям, целям труда, трудовым функциям в семье. Они менялись в своем содержании, приспосабливались к обслуживанию конкретного типа собственности, к национальным, культурным особенностям.

Российские компании все шире декларируют свою приверженность принципам КСО и пытаются руководствоваться этими принципами в своей деятельности. КСО в России стала вполне устойчивым экономическим институтом, который в последнее время довольно часто подвергается оценке. Однако в многочисленных дискуссиях и исследованиях проблема КСО рассматривается преимущественно в управленческом контексте. Эволюция отношений корпораций, общества и государства³, вопросы формирования национальных моделей КСО остаются пока за пределами проявляемого интереса.

Особенности национальных моделей КСО во многом определяются спецификой национальных моделей экономики в целом. Модели КСО в США и Европе классифицируют как «открытые» и «скрытые». Открытая форма означает такое поведение, которое приводит корпорацию к принятию на себя ответственности за решение интересующих общество проблем. Для нее характерны добровольно и самостоятельно определяемые линии поведения, программы и стратегии корпорации по вопросам, за решение которых она считает себя ответственной перед обществом. Систематическое участие представителей бизнеса в финансировании разнообразных некоммерческих проектов в США превратилось в устойчивую традицию⁴. Скрытая форма КСО обозначает официальные и неофициальные институты страны, через которые корпорациям предписываются определенные нормы и правила, часто становящиеся обязательными требованиями. Известно, что благотворительность в Европе менее популярна, чем в США, что объясняется более высоким уровнем налогового бремени⁵.

В России не существует единства мнений по вопросу, сложилась ли у нас национальная модель КСО. Одна позиция состоит в том, что на сегодняшний день Россия избрала англосаксонскую модель социальной ответственности, другая – континентальную, третья настаивает на «гибриде», в котором присутствуют элементы двух моделей (добровольное инициирование бизнесом сочетается с желанием компаний получить от государства четкие законодательные рамки). Наиболее интересная, на наш взгляд, позиция состоит в том, что отличительной чертой формирующейся российской модели КСО является совмещение новых социальных практик с сохранением исторических традиций⁶.

Исследователи рассматривают предпринимательство не только как форму организации и взаимодействие факторов производства, но и как тип поведения личности, черты которой определяются внешней средой, в которой предприниматель формируется. Эту внешнюю среду составляют обычаи и традиции, психология хозяйственных эпох, ментальность данного народа, а именно то, к какому порядку в ранжированной шкале нравственных ценностей относится экономическая деятельность как таковая.

Как известно, капитализм в России успел пройти до своего крушения всего несколько десятилетий пути. За это время, возможно, и не могла выработаться национальная специфика этики российского предпринимательства⁷. Однако, как и все в жизни общества, условия формирования и функционирования бизнеса и отношение населения к предпринимателям имеют в нашей стране свои исторические и культурные корни. Культурные традиции выступают формой, в которой сохраняются накопленные человечеством знания и опыт, этические традиции обуславливают нравственную оценку разных видов хозяйственной деятельности и поступков. Очевидно, что российские национальные особенности не могут не оказывать определенного влияния на содержание КСО и во многом определяют специфику отношений бизнеса и общества в России.

Российское предпринимательство невозможно понять без учета самобытности России. Тем более она важна при анализе российского этико-экономического наследия. Известно, что репутация современных российских предпринимателей находится на критически низком уровне. При этом сам бизнес как сфера деятельности воспринимается в целом положительно, как совершенно неприемлемые оцениваются формы его воплощения в России. Включение социальной ответственности в стратегию развития российского бизнеса следует считать постепенным возрождением традиций, поскольку не подлежит сомнению тот факт, что широкая благотворительность, коллекционерство и поддержка всякого рода культурных начинаний были особенностью русской торгово-промышленной среды.

Таким образом, рассмотрение эволюции корпоративной социальной ответственности как экономического института выражается в стремлении понять, как происходит процесс изменений в мотивации предпринимателей, выявить движущие силы и факторы развития во взаимодействии бизнеса, общества и государства, роль и соотношение формальных и неформальных институциональных рамок для более эффективного управления экономикой и более точного предсказания результатов изменений.

Вопрос о характере и факторах эволюции национальных экономик вообще и экономических институтов в частности относится к числу наиболее важных и сложных вопросов экономической науки. Выделение экономического института как структурообразующей единицы при анализе хозяйственной системы позволяет перейти к рассмотрению механизма экономической динамики и поставить вопрос о самоорганизации экономики как сложной социальной системы. Эволюционные изменения представляют собой такие изменения институтов, которые происходят постепенно под влиянием как внутренних, так и внешних причин. Траектория «зависимости от прошлого» специфическим образом задает некий коридор возможных изменений в будущем. В этом случае общество и экономика воспроизводят экономические институты прошлого, постепенно внося в них изменения. Эволюция означает, что исторические траектории закономерны, «вписаны» во внутренние механизмы наподобие того, как программа биологического развития организма вписана в его генетический код. Таким образом, эволюционный подход есть подход исторический, согласно которому история предшествующего развития социально-экономических систем позволяет обнаружить тенденции и логику последующих состояний тех же самых систем.

Представляется вполне естественным, что при формировании национальной модели КСО в современной России не обойтись без возвращения к «старым» спорам. И, прежде всего, это исторически сложившаяся и закрепившаяся в культуре установка на коллективизм в его общинно-уравнительной форме, наложившая соответствующий нравственно-этический отпечаток на отношение к институту частной собственности (и не только в среде крестьян). Вопрос об эволюции форм земельной собственности приобретает, таким образом, особую актуальность, поскольку в нем переплетаются экономические, социальные, этические, религиозные, психологические, культурно-исторические аспекты. Именно крестьянская община была реальным экономическим институтом, в котором на определенном этапе исторического развития России в концентрированном виде отражались особенности ее хозяйственного и земельного устройства. Отношение к общине сконцентрировало оба противоположных воззрения на Русь и на весь русский исторический процесс.

Много сказано у нас о самобытности русской цивилизации, много и о «нормальности» российского исторического процесса. В затаенной глубине нашего духа всегда боролись две тенденции, два противоположных понимания России. Тезис об отсутствии органического единства является фундаментом теоретических построений многих русских философов.

Нравственно-духовные ориентации и крестьянский уклад жизни большей части населения дореволюционной России отразились в оригинальной русской философии хозяйства. Ее основатели В. С. Соловьев и С. Н. Булгаков разрабатывали свое представление о хозяйстве на основе базовых идей о Софистности Бытия (всеобщей обожествленности, одухотворенности) и соборности жизнеустройства (духовного единения народа, воплотившегося в практической сфере в принципах коллективизма и взаимоподдержки).

Высоконравственная мотивация труда и всего бытия человека утверждалась лучшими представителями российской экономической школы. Русский взгляд на мир — это осмысление жизни и труда как религиозного долга, как всеобщего и совместного служения всех русских людей идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания⁸.

В отличие от западноевропейского понимания сути хозяйственного человека, отмечает И. Д. Афанасенко, в русском культурном и историческом мире индивид всегда рассматривался как сложная личность, деятельность которого не имеет самостоятельного, самодовлеющего значения, а регулируется «высшими, сверхэкономическими мотивами». Хозяйственная жизнь воспринимается как продукт творчества, синтез свободы и необходимости и относится к явлениям более широким и емким, чем простая совокупность рациональных хозяйственных актов, совершаемых отдельными субъектами хозяйства. Хозяйствующий субъект рассматривается как целое с его экономическими и неэкономическими поступками. В хозяйственной жизни первично общее начало, оно как бы предопределяет экономические поступки отдельного предпринимателя: «...частные раздробленные акты есть проявление единой функции, обладающей единой связанностью»⁹.

В таком представлении этические и духовно-нравственные начала обусловлены действиями людей в рамках общины, артели, товарищества, трудового коллектива, государства, где большое значение имеет обратная связь между экономической жизнью людей и существующими общественными, социальными задачами. Хозяйственная жизнь необходима для создания средств, способствующих достижению социальных и нравственных идеалов, преобладающих в социуме. Эффективность хозяйствования, структура народного богатства, тип экономического роста были неразрывно связаны с реализацией выбранных обществом приоритетов.

В связи с этим возникает вопрос: в каком виде «могучие психологические стереотипы традиционной крестьянской общинности»¹⁰ дошли до наших дней и воздействуют на процессы, наблюдаемые сегодня? Другими словами — имелся ли в мысленных конструкциях русских общинников принципиально неподвижный элемент, противостоящий любым институциональным изменениям? Для его разрешения, используя методологию институционально-эволюционного анализа, необходимо вывить механизмы, которые, образно говоря, составляли генетический уровень эволюции крестьянской общины.

Традиции, прежде всего, связаны с неформальными рамками, или рутинами — базисным понятием эволюционной экономики, что в биологической эволюции соответствует фенотипу, т. е. совокупности признаков данного организма. В качестве ключевого признака крестьянской общины выступал земельный передел, являвшийся формой социальной поддержки экономически слабых дворов. Инновации связаны с формированием в мысленных конструкциях крестьян убеждения, что общинная земля может быть объектом частной собственности. Именно здесь прослеживается аналогия с появлением нового признака, распространение которого через механизм наследования и отбора вело к разрушению общинных традиций.

Индивидуалистические и коллективистские типы мировосприятия и поведения людей зависят как от социально-экономических условий, так и от психологического склада.

Таким образом, рассмотрение русской общины не только как хозяйственного механизма, но и как психологической общности предполагает выявление процессов институциональных изменений экономического и психологического характера. Эволюция отношений собственности в крестьянской общине напрямую была связана с изменением мышления людей, с которого начиналась действительная реформа.

Русская община — сложное, неоднозначное и противоречивое явление, исследованию этого феномена посвящено огромное количество работ, насчитывающее несколько тысяч книг и статей. Любое исследование русской общины может быть построено по аналогии с книгой Н. А. Бердяева «Душа России», где каждому обоснованному тезису противостоит не менее обоснованный антитезис.

Община выступала как социально-экономический институт, регулирующий внутреннюю жизнь крестьянского сообщества и его связи с внешним миром, хранитель и транслятор производственного и социального опыта, всей системы ценностей крестьянства. Традиции и идеалы общинности воспринимались крестьянином с рождения. Крестьянин наследовал не землю и не имущество как таковые, он наследовал образ жизни.

Община передавала от поколения к поколению нормы поведения, способы и методы труда, представление о мире, систему ценностей, образы мышления посредством прямого опыта, устной традиции, живых примеров. Как форма организации социальной и экономической жизни крестьянского сообщества, община также выступала «устойчиво воспроизводимым элементом массового сознания крестьянства»¹¹. Сознание крестьян-общинников, закреплявшееся серией обрядов и ритуалов, ориентированное на обычаи, традиции и идеалы, пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Труд мотивировался по большей части моральными стимулами, а не материальными (хотя в общине достаточно сильно было развито индивидуальное начало, что даже позволило П. Струве говорить о буржуазности общины). Таким образом, община представляла собой «подлинно народный социальный институт»¹².

Русскую крестьянскую общину можно описать в понятиях «нравственная, моральная экономика», «моральный крестьянин». Кодекс общины воплощал христианские заповеди, обязательные для всех. «Вера» рассматривалась как своего рода религиозный сублимат собственности. В общине сложился экономический механизм, оптимально сочетающий в себе экономическую эффективность и социальную справедливость. В целом принципы общинной жизни соответствовали потребностям и интересам большинства крестьян.

Государство всегда признавало де-факто за общинами право самоуправления, однако до XVI в. оно не было поставлено на твердые юридические основания и осуществлялось исключительно на основе народного обычая. В результате реформы к середине XVI в. общины как институты обычного права были введены в систему оформленных и признанных законом государственных институтов. С этого времени можно говорить о том, что общины стали юридическими лицами, т. е. корпорациями («агро-фирмами»¹³), по закону обладавшими самоуправлением, правом вступать в обязательства, иметь и распоряжаться собственностью. Мир стал «самоуправляющимся публично-правовым общественным союзом, связанным интересами общего блага»¹⁴.

Огромное значение для поддержания индивидуального хозяйства имела помощь общины. Община представляла отличное средство для воспитания взаимопомощи, взаимного доверия и самозащиты. Характерно, что понятие «мирская помощь», выражение «потребно для мира» существовало только в России, хотя примеры взаимопомощи есть, безусловно, в большей или меньшей степени, у всех народов. Мировоззрение, мораль, понятие долга перед «миром» имели одни истоки: традиции коллективизма и взаимопомощи всегда

были сильны у подавляющей массы населения, тем более, что идея принадлежности земли Богу, т. е. всем живущим на ней совместно, была основной для русского человека. Крестьянин стремился искать защиту не только у Бога, но и у общины. Естественное желание земледельца вести личное хозяйство соседствовало с традициями коллективизма, взаимовыручки, взаимопомощи.

До определенного времени дуализм «мира», т. е. соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Отход от принципа коллективного владения землей и индивидуального ведения хозяйства в ту или другую сторону разрушающе действовал на общину, и она сопротивлялась всяким таким шагам. Смещение дуализма индивидуального и общего в сфере собственности приводило к перекосам либо в сторону социального неравенства, либо уравниловки. Однако характер дуализма в общине зависел от комплекса факторов, которые в различной степени были подвержены изменениям.

Русская община пореформенного периода обнаруживает большое разнообразие форм своей эволюции, протекавшей в условиях двух противоречивых тенденций. С одной стороны, великие реформы стали рубежом в истории индивидуального самосознания, в пореформенный период «в общинах отмечен стихийный рост частной собственности»¹⁵, с другой — государство усилило роль общины, стремясь компенсировать ликвидацию помещичьей власти. Это приводило к тому, что «одни ее функции совершенствовались, другие — атрофировались, третьи — оставались без изменения: одни крестьяне поддерживали традиционные устои, другие — были ими недовольны и хотели их перестройки, третьи — проявляли индифферентность»¹⁶. Все реальные общины вместе образовывали длинный ряд — от общин со слабым мирским духом до общин с сильным мирским духом. Нередко тенденция разложения сменялась тенденцией усиления общины и расширения ее деятельности. Существование рядом двух разных форм владения землей неизбежно вызвало переходные формы. Председатель управы из Бессарабской губернии сформулировал это так: «В настоящее время (1873 г. — *В. С.*) нельзя еще сказать, какое владение у поселян — общинное или участковое; пожалуй, оно теперь представляет смесь того и другого...»¹⁷.

В сельской общине все более отчетливо устанавливалось противостояние двух типов общинников — традиционного крестьянина, приверженного обычаям отцов и дедов, общин с ее коллективизмом и социальной защищенностью, и нового крестьянина, желающего жить и хозяйствовать на свой страх и риск. Их сосуществование было настолько характерным, что нашло отражение в художественной литературе. Например, в рассказе А. И. Эртеля с символическим названием «От одного корня» (1883 г.) представлены два противоположных типа, один из которых был носителем общинного начала, а другой — индивидуалистического¹⁸.

Именно в это время крестьянская община превращается в объект пристального изучения и размышления над ее дальнейшей судьбой. Общество задалось вопросом, который исследователь К. Р. Качоровский вынес в заглавие своей работы: «Русская община: возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие?» (1906 г.). О концентрации внимания российской общественности на проблемах общины говорил и А. С. Изгоев: «Слишком страстные споры, ведущиеся у нас с конца 50-х гг. (XIX в. — *В. С.*), первенствующее место, занимаемое вопросом об общинном землевладении в программе передовой интеллигенции, — все это побуждает читателя от каждой работы об «общине» требовать ответа на вопрос: быть или не быть общине?»¹⁹

Материалы обследования общин свидетельствуют о том, что во второй половине XIX в. община далеко не всегда выполняла важнейшую свою функцию — систематическое

уравнительное наделение крестьян землей путем переделов. Как показал анализ фактологического материала обследования общин, крестьяне были далеки от идеализации как собственнического, так и общинного уклада крестьянской жизни, — и в том и в другом они видели преимущества и недостатки²⁰. Это приводило к тому, что сходы начинали удлинять сроки переделов или же выделяли особые полосы, «навозники», и исключали их из переделов, способствуя формированию среди крестьян взглядов на землю как на объект частной собственности. Вышеизложенное дало основание для понимания «той истины, что общество и народ двигаются»²¹, что «общество... быстро и прогрессивно изменялось»²², что «процесс преодоления общинности... зашел достаточно далеко»²³. И как следствие — уверенность в успешности либеральных преобразований.

Имущественные отношения в крестьянской семье пореформенной России регулировались целой системой хозяйственно-правовых норм и обычаев, где патриархальные традиции тесно переплетались с официальным законодательством. Семья являлась изначальной хозяйственной «наследственной единицей». В семье сохранялись и передавались из поколения в поколение производственные навыки, этические нормы, традиции устного народного творчества. Мутация отношений собственности в крестьянской семье лежала в основе трансформации общинного хозяйственного и имущественного устройства. Именно характер и эволюция неформальных правил на уровне семьи, напрямую связанные с изменением образа мышления людей, предопределяли характер и эволюцию отношений собственности в рамках общины в целом как совокупности крестьянских семей.

Процесс естественного отбора действовал как на уровне крестьянской семьи (распад больших патриархальных семей), так и рутины — земельного передела, что предопределяло возникновение потребности в трансформации общинного устройства. Однако вывод о том, что складывающаяся система отношений собственности не способствовала сохранению общинных традиций, нельзя абсолютизировать. Необходимо учитывать действие формальных правил, которые вносили коррективы в эволюцию отношений собственности.

Материалы обследования общин, теоретические основы концепций и законодательные акты пореформенного периода показывают, что в целом действия царского правительства по установлению формальных рамок функционирования крестьянской общины были односторонними и учитывали лишь одну из тенденций спонтанной эволюции общины как неформального института. С 80-х годов XIX в. и до 1906 г. они были направлены на консервацию общинного землепользования, а с 1906 г. господствовала прямо противоположная политика разрушения общинных начал.

Наибольшие успехи в соотношении официального законодательства с нормами обычного права связаны с действием положений Земельного кодекса РСФСР 1922 г. Разрешив выдел на хутора и отруба, он «впитал» некоторые элементы столыпинского законодательства. В целом земельное законодательство начала 1920-х годов вполне лояльно относилось к общине. Вместе с тем юридический «стержень» общинного права был не коллективистским, а индивидуальным. Крестьянин мог, хотя и с большими оговорками, реализовать все три права собственника — пользования, владения, распоряжения. Это способствовало определенной психологической уверенности крестьянства в стабильности своего положения как условного собственника земли. Именно Кодекс 1922 г. наиболее соответствовал утверждению П. А. Столыпина о том, что «наши реформы для того, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских национальных началах». Однако в дальнейшем индивидуализация землепользования не получила соответствующего юридического оформления. Положение о землеустройстве 1928 г. явилось фактическим возвратом к ситуации 1919 г. На смену общине шло коллективное хозяйство.

Взвешенный подход 20-х годов XX в. сменился «кавалерийской атакой» на общинные традиции российского крестьянства. Это были совершенно новые, сознательно сконструированные институты, обеспечить защиту которых можно было только насильственными методами.

Таким образом, политика разрушения российской крестьянской общины противоречила одному из основополагающих положений эволюционной теории о том, что главным институциональным условием разрешения конфликта интересов становится принципиальная готовность всех участников вести переговоры с оппонентом. Схема взаимодействия экономических агентов — участников проектируемого института — представляет собой центральное звено варианта институционального решения. Наибольшие шансы на «выживание» имеет тот институт, который формируется при самом широком соучастии на всех этапах этого процесса всех затрагиваемых им субъектов.

В этой связи современной представляется мысль Т. Веблена о том, что «если предпринимаемое преобразование требует упразднения или изменения в целом существующего института, имеющего в традиционной системе первостепенное значение, то в результате этого преобразования произойдет серьезное расстройство всей системы; становится ясным, что переустройство общества по новому образцу, принятому на вооружение в одном из главных элементов системы, было бы если и возможным, то, во всяком случае, трудным и мучительным процессом»²⁴.

В развитии социальной ответственности российских компаний в постсоветский период можно выделить три этапа:

1. 1991–1998 гг. Особенностью данного этапа стала реструктуризация социальной инфраструктуры компаний в ходе приватизации. Российские компании, созданные на основе советских предприятий, унаследовали находившиеся объекты социальной инфраструктуры и были поставлены перед необходимостью либо восстановить дореформенный уровень, либо освободиться от этого бремени путем продажи непрофильных активов. Аналогичным образом из советского прошлого заимствована практика социальной поддержки и охраны здоровья работников и пенсионеров предприятий, что составляет одну из главных статей социальных инвестиций и компенсирует недостатки социальной защиты.

2. 1999–2002 гг. — формирование представлений о корпоративной социальной ответственности в деловой среде и обществе в целом.

3. С 2003 г. российское деловое сообщество публично заявило о своем стремлении быть социально ответственным. Именно с этого времени можно говорить о начале институционализации КСО, открытых дискуссий по формированию правил ведения бизнеса.

Заметное увеличение расходов предприятий на непрофильные для бизнеса цели сопровождалось изменением мотивов и содержания благотворительных программ, где на смену альтруизму постепенно приходят прагматические соображения. Эти сдвиги во многом повторяют траекторию эволюции русской пореформенной общины и корпоративной ответственности на Западе и свидетельствуют о растущей «рыночной зрелости» социальной ответственности российского бизнеса. Однако, на наш взгляд, необходимо выделить две отличительные черты формирующейся российской модели КСО:

1. Общество воспринимает результаты приватизации как несправедливые, вследствие чего возникает требование «делиться». Различные формы социальной ответственности бизнеса рассматриваются как шаг навстречу такому требованию и как средство сокращения различных рисков. Благотворитель в данном случае напоминает «кающегося дворянина», пытающегося таким образом «вернуть долг и успокоить совесть».

2. В России ведущим источником спроса на КСО является государство. Органы власти, в особенности на региональном и городском уровнях, играют ведущую роль в благотворительной деятельности компаний. Обычной практикой стало государственное планирование корпоративной ответственности и «добровольно-принудительное» участие предприятий в благотворительных программах и кампаниях.

Активное присутствие государства в благотворительной деятельности российских фирм можно оценивать по-разному. Согласно одной из точек зрения, такое положение дел неизбежно и отчасти связано с несовершенством российских институтов, главным образом с недостатками налогово-бюджетной системы и неразвитостью гражданского общества. Федеральное правительство не только не возражает против такой системы, но и санкционирует ее. Так, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. предполагает в решении социальных проблем опираться на частно-государственное партнерство. В условиях, когда общество пассивно и недостаточно информировано, государство вынуждено создавать замену публичному спросу на социальную активность, подменяя его государственным давлением и принуждением бизнеса.

Однако систематическое обращение государства за содействием к бизнесу скрывает и пороки существующей системы финансирования и управления бюджетной сферой, препятствуя тем самым социальным и административным реформам. В экспертных и предпринимательских кругах все чаще звучит мнение, что модель корпоративной благотворительности под нажимом государства себя исчерпала.

Активное обсуждение роли бизнеса в современной России во многом перекликается с дискуссиями о судьбе русской крестьянской общины в пореформенный период. Противостояние «нового» и «старого», социальной ответственности и традиционной благотворительности вписывается в извечную дилемму России: «догоняющая модернизация» – «особый путь развития».

Несомненно, община и артель в том виде, в каком они существовали в свое историческое время, с позиции сегодняшнего дня являются архаичными институтами, присущими уже давнему хозяйственному прошлому. Однако тезис о влиянии исторически сложившихся экономических институтов на формирование национальных моделей хозяйствования является трудно опровержимым. Более высокий уровень коллективизма, «роль личности», «крепостная зависимость» работника характерны для современных компаний, которые различными путями, в том числе и через механизм социальной политики, стремятся усилить зависимость персонала от менеджмента, а топ-менеджеров от собственников²⁵.

Таким образом, в настоящее время речь может идти, скорее, не столько о национальной модели КСО, сколько о специфике встречных ожиданий бизнеса, общества и государства, обусловленных особенностями переходного периода, а теперь и мирового экономического кризиса. В любом случае новую российскую благотворительность следует организовать таким образом, чтобы она способствовала взаимопомощи и солидарности в обществе, открывала донорам возможность для финансирования общественных благ, а не приводила к эрозии фундаментальных экономических и социальных институтов.

¹ *Благов Ю. Е.* Генезис концепции корпоративной социальной ответственности // Вестн. С.- Петерб. ун-та. Сер. 8: Менеджмент. 2006. Вып. 2. С. 3–24.

² *Соболева И. А.* Социальная ответственность бизнеса: глобальный контекст и российские реалии // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 93.

³ *Пережудов С. П.* Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М., 2003. 352 с.

⁴ Классическим примером является фонд Билла и Мелинды Гейтс, полностью финансируемый из личного состояния супругов для целей улучшения систем образования и здравоохранения в различных странах.

⁵ Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект / Под ред. И. Ю. Беляевой, М. А. Эскиндарова. М., 2008. С. 40–56.

⁶ Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? М., 2005. С. 23.

⁷ Достойны упоминания принципы ведения дел, используемые российскими промышленниками, сложившиеся к 1912 г. Многие нормы «принципов» переключаются с «Социальной хартии» российского бизнеса, принятой РСПП в 2004 г.

⁸ Характерно, что Русская православная церковь (РПЦ) решила внести свою лепту в воспитание морали отечественных бизнесменов. В 2002 г. РПЦ впервые заявила о своем участии в развитии этических основ отечественного бизнеса. На 8-м Всемирном русском народном соборе, состоявшемся в 2004 г., была озвучена доктрина РПЦ о ее участии в жизни общества, а также начата работа по созданию морально-этических основ экономической деятельности в условиях рынка. Был одобрен и предложен «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании». В преамбуле документа говорится, что он предназначен «для добровольного принятия» руководителями предприятий, коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам профсоюзов и т. д. Подписание документа, по словам митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне Патриарха Московского и всея Руси), будет означать завершение изысканий РПЦ в области «экономики и морально-этических основ экономической деятельности в условиях рынка». Авторы свода толкуют понятия богатства, прибыли и других экономических категорий, основываясь на 10 библейских заповедях. Богатым предложено делиться, а бедным – трудиться. Появление «Свода» рассматривается многими специалистами как начало «строительства нравственной основы для российского бизнеса».

⁹ *Афанасенко И. Д.* Экономика и духовная программа России. СПб., 2001. С. 310.

¹⁰ *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России. XIX–XX вв. М., 1993. С. 56.

¹¹ *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. XIX–XX век. СПб., 1998. С. 531.

¹² *Кучумова Л. И.* Сельская община в России // Сер. История. 1992. № 1. С. 28.

¹³ *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. XIX–XX век. СПб., 1998. С. 534.

¹⁴ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909. Т. 1. С. 193.

¹⁵ *Кучумова Л. И.* Сельская земельная община Европейской России в пореформенный период (60–70 гг. XIX века). М., 1978. С. 24.

¹⁶ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 1. С. 479.

¹⁷ Доклад Высочайше Учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложение I. СПб., 1873. С. 189.

¹⁸ *Эртель А. И.* От одного корня // Эртель А. И. Записки Степняка. Очерки и рассказы. Т. 1. СПб., 1883. С. 48–82.

¹⁹ *Изгоев А. С.* Общинное право. СПб., 1906. С. 130.

²⁰ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Издание Вольного Экономического и Географического обществ / Под ред. Ф. Л. Барыкова, А. В. Половцева, П. А. Соколовского. СПб., 1880. Т. 1. С. 175, 191, 202, 253, 331, 360.

²¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. Таллин; М., 1994. Т. 2. С. 471.

²² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 2. С. 284.

²³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 1. С. 527.

²⁴ *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1982. С. 210.

²⁵ Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? М., 2005. С. 23.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2009 г.